

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

"Христианское" самолюбие

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 9. С. 344-364.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

„ХРИСТИАНСКОЕ“ САМОЛЮБІЕ.

(статья вторая *).

ПАДЛЕЖАЩИМЪ образомъ заботясь о своемъ тѣлѣ и своемъ тѣлесномъ благосостояніи, христіанинъ, въ силу любви къ себѣ, тѣмъ болѣе, конечно, заботится о внутренней сторонѣ своего существа, о сохраненіи своего духовнаго богатства, о нормальномъ пользованіи имъ и приумноженіи его, короче: о своей душѣ и ея благосостояніи. Мы сказали: «тѣмъ болѣе»... въ виду того, что духовной сторонѣ нашего существа принадлежитъ всецѣло первенствующее положеніе по сравненію съ тѣлесною. Въ самомъ дѣлѣ, уже у бытописателя Моисея въ его повѣствованіи о твореніи человѣка читаемъ, что *Богъ создалъ послѣдняго, его тѣло, изъ праха земли, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человекъ душою живою* (Быт. II, 7) ¹⁾. Если тѣло образовано изъ земного праха, а душа *вдунута* Богомъ, дыханіе Его, то ясно, что достоинства того и другой несравнимы. *Какая польза человеку, — говоритъ Самъ Спаситель, — если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ?.. Какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою* (Марк. VIII, 36—37)? ²⁾ *Весь міръ* на одной чашкѣ вѣсовъ не можетъ не только перетянуть лежащаго на другой ихъ чашкѣ поврежденія человеческой души, но даже и быть приравненнымъ къ послѣднему. Въ чувственномъ, матеріальномъ мірѣ нѣтъ ничего, могущаго

*) См. август. кн. „Хр. Чтенія“.

¹⁾ *И созда Богъ человека, персть вземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу живу.*

²⁾ *Кая бо польза человеку, аще приобрететъ міръ весь, и отщепитъ душу свою? Или что дастъ человекъ измѣну на души своей?*

послужить выкупомъ за душу человѣка. Таково значеніе души, духовной стороны человѣческаго существа... При томъ, лишь только при условіи нормальнаго отношенія человѣка къ послѣдней получаютъ надлежащій смыслъ и окраску и его заботы о своей тѣлесной жизни. — Въ частности, «въ качествахъ способностей души мы можемъ вообще назвать познаніе, чувство и волю» ¹⁾. На нормальное отношеніе къ нимъ христіанинъ и долженъ обращать свое вниманіе.

О развитіи познавательной способности души, какъ дѣлѣ необходимомъ, заботятся всѣ сколько-нибудь цивилизованныя или близкія къ этимъ народности. Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ большими и большими попеченіями человѣчества обставляется разсматриваемое дѣло. Слѣдовательно, повидимому, болѣе не-зачѣмъ бы и говорить объ этомъ вопросѣ, столь ясномъ и понятномъ. А если о чемъ нужно говорить, это развѣ о томъ только, какимъ образомъ надлежитъ направлять дѣло развитія данной способности, чтобъ оно — развитіе — текло нормально и было по-возможности плодотворно... Въ сущности смыслъ выставленныхъ положеній всецѣло признается не одними только христіанами, истинно любящими себя, но и многими язычниками, также по-своему проявляющими въ отношеніи къ себѣ данное чувство. Къ сожалѣнію, однако, приходится иногда встрѣчать недоумѣнія, нашедшія себѣ мѣсто въ нѣкоторой части и нашего русскаго общества. Эти недоумѣнія, повидимому, не лишены основаній, такъ какъ они высказываются будто-бы съ правильно понимаемой *христіанской* точки зрѣнія. Истинно любящій себя христіанинъ, — говорятъ недоумѣвающие, — какъ именно такой, лучше дѣлаетъ, если о развитіи своего ума, о приобрѣтеніи тѣхъ или иныхъ научныхъ знаній и свѣдѣній не заботится, предоставляя эту заботливость тѣмъ, кто хочетъ себѣ вреда, а не пользы... Чтобы не быть голословными, недоумѣвающие дѣлаютъ ссылки на слѣдующія библейскія мѣста: *знаніе*, говоритъ св. ап. Павелъ, *надмеваетъ, а любовь назидаетъ* (1 Кор. VIII, 1)... ²⁾; *смотрите, читаемъ у того же св. апостола, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ...* (Колосс. II, 8) ³⁾... Всего же болѣе ссылаются недоумѣвающие на

¹⁾ Мартенсенъ: „Христ. уч. о нравственности“ (въ пер. А. П. Лопухина). Спб. 1890. Т. I; стр. 82.

²⁾ ...разумъ... кичитъ, а любви созидаетъ.

³⁾ ...да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестию...

пространное разсужденіе св. ап. Павла въ началѣ его перваго посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ *премудрость слова, мудрость мудрецовъ, разумъ разумныхъ, мудрецы, книжники, совопросники вѣка сего, мудрость міра, убѣдительныя слова человеческой мудрости* и т. д. низводятся на довольно низкую ступень въ отношеніи къ ихъ внутреннему значенію (I—II гл.). По противоположности-же имъ отмѣняются: *юрродство пропоянди, немудрое Божіе*...—какъ моменты, по своему значенію далеко превышающіе собою тѣ, которые отмѣнены раньше. Христіанство, требующее отъ человѣка вѣры въ извѣстныя, проповѣдуемыя имъ, истины,—говорять въ заключеніе разсмотрѣнія тѣхъ библейскихъ мѣстъ недоумѣвающіе,—очевидно, отрицательно смотритъ на вопросъ о необходимости и даже какой-либо полезности развитія нашей познавательной способности, нашего ума. Слѣдуетъ-ли, однако, изъ тѣхъ библейскихъ мѣстъ подобное заключеніе? Ни-мало. О Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ знаемъ, что Онъ, имѣя 12 лѣтъ отъ рожденія, въ іерусалимскомъ храмѣ *слушалъ и разспрашивалъ учителей* (Лук. II; 46), что Онъ *преуспѣвалъ въ премудрости*... не только у Бога, но и у людей (—52) ¹⁾. Св. ап. Павелъ, получившій блестящее образованіе, между прочимъ, благодаря этому именно обстоятельству, такъ глубоко и такъ многосторонне раскрылъ и выяснилъ сущность христіанскихъ истинъ. Если же, однако, у него именно недоумѣвающіе черпаютъ матеріалъ для своихъ недоумѣній, то дѣлаютъ это просто по недоразумѣнію, а иногда и по нежеланію понять истинный смыслъ словъ св. апостола. Между тѣмъ, взгляды св. ап. Павла на дѣло—болѣе, чѣмъ ясенъ. Порицая мудрость, философію..., св. апостоль имѣетъ въ виду предъ собою не вообще мудрость и философію, а только мудрость и философію, стоящую на ложномъ основаніи, чѣмъ, въ частности, и была окрашенная гностическимъ элементомъ и нашедшая себѣ пристанище среди колоссянъ философія. Апостольское неодобреніе вполне приложимо, конечно, и ко многимъ современнымъ намъ ученіямъ нынѣшнихъ философовъ и мудрецовъ... Затѣмъ, св. ап. Павелъ въ указанныхъ и другихъ мѣстахъ своихъ посланій имѣетъ въ виду сравнительную цѣнность христіанской мудрости и естественной въ дѣлѣ касательно спасенія человѣка и т. д. Поскольку же имѣются

¹⁾ ...Иисусъ преслѣвоваше премудростію... у Бога и человекъ.

въ виду философія въ истинномъ ея смыслѣ, здравая, мудрость глубоко-основательная, противъ нихъ св. апостолъ не говоритъ нигдѣ и ничего. Ложной, обманчивой, нелѣпой мудрости, бичуемой имъ, нельзя смѣшивать съ истинною мудростію, и упреки по адресу первой не могутъ быть переносимы на вторую. — Недоумѣвающіе продолжаютъ: въ христіанствѣ значеніе принадлежитъ вѣрѣ, а не знанію, между тѣмъ какъ въ области философіи и науки вообще оно усвоится знанію, а не вѣрѣ. Отсюда, — заключаютъ данные лица, — научное развитіе ума не есть необходимое и вообще желательное явленіе въ христіанской средѣ. Справедливо-ли, однако, такое заключеніе? Ни-мало. Здроаво смотрящіе на дѣло христіанскіе моралисты указываютъ подобнымъ недоумѣвающимъ лицамъ, что, съ одной стороны, элементъ вѣры присущъ и самымъ опытнымъ, повидимому, наукамъ, а съ другой, элементъ знанія требуется и христіанствомъ (именно въ дѣлѣ усвоенія человѣкомъ-христіаниномъ божественныхъ истинъ). Ученый, основываясь на извѣстномъ количествѣ извѣстнаго рода наблюденій, дѣлаетъ заключеніе къ бытію, напр., закона всемірнаго тяготѣнія, при чемъ вѣрять, что непреложность этого, отмѣчаемаго имъ — ученымъ, закона не опровергнется явленіями физической — міровой жизни, стоящими по чему-либо внѣ круга его наблюденій. Безъ вѣры въ незыблемость мірового строя и его законовъ, въ извѣстныя свойства, общія всѣмъ людямъ или всѣмъ предметамъ извѣстной категоріи и т. д., никакая наука невозможна. Это — разъ. Во вторыхъ, вѣра, какъ христіанская добродѣтель, характеризующая (вмѣстѣ съ надеждою и любовью) собою отношенія человѣка-христіанина къ Богу, необходимо содержитъ въ себѣ и элементъ знанія, которымъ, т. е., элементомъ, она — вѣра — по мѣрѣ возможности проникалась-бы и даже оправдывалась-бы (чит. 1 Петр. III, 15.—1 Иоанн. IV, 1 и мног. друг.). Это — безспорная истина, какое-либо раскрытіе которой въ данномъ случаѣ, конечно, излишне. Такимъ образомъ, точки соприкосновенія (при томъ, существенныя) христіанской истины и науки — на — лицо: одна изъ этихъ не исключаетъ другой, скорѣе: наоборотъ. Всѣ науки, правильно поставленныя, ведутъ человѣка къ той-же цѣли, къ какой ведетъ его и христіанская истина. Для человѣка важно знать о смыслѣ жизни, о Божествѣ, Его отношеніи къ міру вообще и къ человѣку въ частности..., о конечной цѣли міра и самого человѣка и т. под.

Все это — общеизвѣстные вопросы. Христіанство, какъ религія богооткровенная, даетъ на нихъ точныя и рѣшительныя отвѣты. Человѣкъ-христіанинъ, принимая послѣдніе, долженъ уяснить ихъ себѣ по мѣрѣ возможности, приблизить ихъ къ своему сознанію. Вотъ здѣсь-то ему и могутъ оказать немалое содѣйствіе различныя науки, такъ или иначе касающіяся указанныхъ и подобныхъ имъ вопросовъ, — изученіе этихъ наукъ и непосредственно связанное съ нимъ развитіе и изощреніе его — человѣка — духовныхъ силъ, въ частности — познавательной его способности. Христіанинъ, заботящійся о нормальномъ развитіи послѣдней, объ обогащеніи себя плодотворными свѣдѣніями, чрезъ это становится христіаниномъ сознательнымъ и, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе проявляетъ къ себѣ истинную любовь. Но, проявляя заботливость касательно образованія своего ума, христіанинъ естественно провѣряетъ проходимыя тѣмъ стадіи данными христіанскаго свойства, т. е., предлагаемыми Словомъ Божиимъ, жизнію и письменностію лучшихъ представителей христіанской церкви и проч.

Хотя развитіе познавательной способности — дѣло величайшей важности и значенія, однако, рассматриваемое только само по себѣ, оно носить на себѣ печать сухости, черствости. Оживляющимъ его нервомъ служить развитіе способности чувства. Но въ какомъ направленіи должно идти это развитіе? Оно должно направляться къ возбужденію въ насъ нормальной отзывчивости на все прекрасное, на все доброе, на все истинное. Заботы о развитіи данной стороны человѣческаго существа имѣли мѣсто уже въ древне-классическомъ мірѣ. Древнимъ грекамъ удалось замѣчательнымъ образомъ развить въ себѣ чувство красоты, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ многочисленные памятники ихъ искусства, извѣстные всякому образованному человѣку. Чувство красоты, изящнаго, гармоніи, надлежащей мѣры осязательно проглядываетъ также и въ греческихъ литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ классическаго времени какъ въ отношеніи къ ихъ внѣшнему виду, такъ даже и въ отношеніи къ проводимымъ въ нихъ взглядамъ. Прекрасныя древне-классическія статуи никогда не могутъ возбудить въ нравственно-неиспорченномъ зрителѣ какого-либо дурного чувства; скорѣе наоборотъ: дадутъ зрителю наглядное представленіе объ истинной красотѣ. Подобное же надлежитъ сказать объ архитектурѣ наилучшихъ древне-классическихъ храмовъ и т. д. Но,

конечно, во всякихъ памятникахъ и произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатію искусства, изящества, гармоніи..., мы усматриваемъ не одну ихъ внѣшнюю красоту — саму по себѣ. Творецъ всякаго въ подобномъ родѣ произведенія непременно имѣлъ въ виду выразить своимъ созданіемъ какую-либо опредѣленную мысль, извѣстную именно идею, подобно тому, какъ эта обыкновенно проводится и всякимъ литературнымъ и научнымъ произведеніемъ. Преимущество на сторонѣ какой-либо статуи здѣсь — въ томъ, что послѣднюю выражается та или иная идея вполне наглядно, такъ сказать, осязательно. Но за то здѣсь же на лицо и опасная сторона дѣла — сказывающаяся въ томъ именно, что не всякій въ состояніи за внѣшними красивыми формами отыскать данную идею, что многіе, напротивъ, ограничиваютъ все дѣло только этими формами, въ нихъ именно полагаютъ всю «суть». На такихъ лицъ, при томъ, подогреваемыхъ ихъ общимъ невысокимъ нравственнымъ уровнемъ, созерцаніе данныхъ памятниковъ искусства производитъ совсѣмъ противоположное желательному воздѣйствіе. Къ сожалѣнію, значительное число древнихъ грековъ должно быть отнесено къ послѣдняго рода лицамъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые памятники ихъ искусства проводятъ собою, согласно съ желаніемъ ихъ авторовъ, не совсѣмъ благовидныя въ нравственномъ отношеніи идеи. Съ наступленіемъ христіанскихъ временъ обстоятельства измѣнились и, конечно, къ лучшему. Высота и чистота проповѣдуемыхъ христіанствомъ идей несравнима ни съ идеями греко-римской, ни тѣмъ болѣе съ идеями другихъ языческихъ народностей. Наглядное воплощеніе христіанскихъ идей въ памятникахъ искусства въ высшей степени благотворно отражается на созерцателѣ послѣднихъ, облагораживая его сердце. Если древне-языческія произведенія искусства не всегда воплощали въ себѣ идеи нравственно-хорошія и отсюда иногда дѣйствовали на зрителя нежелательнымъ (если смотрѣть на дѣло со строго нравственной точки зрѣнія) образомъ, то о чисто-христіанскихъ сказать этого нельзя. Если древне-языческія произведенія искусства, отражавшія въ себѣ болѣе или менѣе высокія идеи, бодрящимъ образомъ дѣйствовали на человѣка, вливали въ него жизненную, свѣжую струю, призывали его къ слѣдованію лучшимъ сторонамъ его я, гармоничностью своихъ формъ, выдержанною до самыхъ незначительныхъ подробностей, вселяли въ существо зрителя

также нѣчто аналогичное — своего рода симметричность, уравновѣшенность, своимъ строгимъ соотвѣтствіемъ съ дѣйствительностію призывали человѣка любить истину, всюду обнаруживать ее только, свое дѣйствительное я, столь же воплощать въ себѣ требованія нравственнаго закона, сколько воплощаютъ въ себѣ законы симметріи, гармоніи... сами они, т. е., разсматриваемыя произведенія искусства, столь же, какъ эти, избѣгать всякаго (даже ничтожнаго) проявленія неправды, лжи, — если эти произведенія, по крайней мѣрѣ, лучшія изъ нихъ, возбуждали въ человѣкѣ цѣломудренныя чувства и т. д., — то все такое въ несравненно большей степени слѣдуетъ сказать въ виду памятниковъ искусства, отмѣченныхъ печатью христіанства. Развивая, облагораживая свою способность чувства созерцаніемъ, изученіемъ истинныхъ памятниковъ искусства, человѣкъ можетъ достигать той же цѣли и, при томъ, еще лучше и скорѣе путемъ созерцанія твореній Божіихъ въ окружающемъ насъ мірѣ и вообще доступномъ какому-либо нашему наблюденію, начиная со звѣзднаго неба, своей безпредѣльностію, своей красотой... говорящаго нашему уму и сердцу о тѣмъ безконечно большей безпредѣльности, красотѣ... Творца его, и кончая ничтожнѣйшимъ, невидимымъ невооруженному глазу микробомъ, своею жизнію свидѣтельствующимъ нашему сердцу о благодати Создателя, не оставляющаго безъ вниманія даже и столь ничтожнѣйшихъ Его тварей. Стоитъ подольше пораздумать надъ Божіими твореніями, почаще заниматься такого рода размышленіями, чтобы понять, сколь великая красота царствуетъ во вселенной, и затѣмъ созерцаніемъ ея увеселяться, наслаждаться... Указываютъ въ примѣръ Самого Господа нашего, также не безучастно относившагося къ красотѣ Божіихъ тварей: отмѣчаютъ, что Онъ восторгался красотой полевыхъ лилій, преподавалъ слушателямъ Свое божественное ученіе съ прекрасной горы, преобразился на чудной горѣ, вознесся на небо съ величественной горы... Указываютъ, далѣе, что и великіе аскеты христіанскіе нерѣдко находили особую для себя прелесть въ созерцаніи красотъ пустынныхъ и т. д. — Разъ человѣкъ счумѣетъ такъ настроить себя, чтобы наслаждаться истинно-прекраснымъ, гдѣ бы и въ чемъ бы послѣднее ни заявляло о себѣ, онъ eo ipso будетъ столь же чувствителенъ и ко всему истинному, такъ какъ понятія истинной красоты и истиннаго — всецѣло параллельны, всецѣло однородны: прекрас-

нымъ можетъ быть только одно истинное, а что хоть въ нѣ которой степени отмѣчено элементомъ лжи, уже не есть истинно-прекрасное. Истинно-доброе, наконецъ, тождественно съ истинно-прекраснымъ: если строгая гармоничность — необходимѣйшее условіе, помимо котораго прекрасное немислимо и въ которомъ оно собственно и заявляетъ о себѣ, — то строгая же гармонія, гармоничное сочетаніе съ сущностію нравственнаго закона, гармоничное отраженіе смысла послѣдняго... все это — необходимыя же условія и истинно-добраго. Словомъ, открыть свое сокровенное я для истинно-прекраснаго и въ то же время не открыть его для истины и добра — немислимо. Нѣкоторые моралисты пытаются намѣтить частнѣйшія правила, слѣдуя которымъ — человѣкъ, по ихъ мнѣнію, могъ бы скорѣе всего и надежнѣе развить въ себѣ чувствительность, отзывчивость въ отношеніи къ истинѣ, добру и красотѣ. Такая попытка, при всей ея благонамѣренности, къ сожалѣнію, не можетъ рассчитывать на постоянный и особенный успѣхъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о живыхъ людяхъ, о разнообразныхъ условіяхъ ихъ жизни и проч., чего заранѣе ввести въ извѣстныя рамки невозможно. Помимо сказаннаго нами выше, въ настоящемъ случаѣ могутъ имѣть значеніе только самыя общія соображенія въ родѣ тѣхъ, что сначала родители и воспитатели человѣка должны заботиться о развитіи въ воспитываемомъ вкуса къ истинѣ, красотѣ, добру, о развитіи въ немъ отзывчивости на все это, — а затѣмъ уже самъ человѣкъ, по достиженіи имъ строго-сознательнаго возраста, долженъ продолжать начатое въ немъ его родителями и воспитателями. А *какъ* именно, — на это дадутъ отвѣтъ самыя обстоятельства: гдѣ — путемъ созерцанія твореній Божіихъ въ ихъ непосредственности, гдѣ — путемъ изученія памятниковъ искусства, науки и т. д. и т. д.

Забываясь о развитіи своихъ способностей: познанія и чувства, человѣкъ въ еще большей степени долженъ обнаруживать попеченіе касательно воспитанія своей *воли*. Почему это — такъ, понятно безъ труда: безъ участія послѣдней всѣ усилія даже наилучшимъ образомъ развитаго ума не получаютъ пракческаго ихъ осуществленія, останутся съ однимъ чисто теоретическимъ характеромъ; безъ участія воли не будетъ сколько — нибудь плодотворною и способность чувства и проч. Нельзя не согласиться съ Мартенсеномъ, что «между» душевными способностями «воля занимаетъ первенствующее положеніе»,

что она «есть именно наше собственное я, внутренняя сущность души» и т. д. ¹⁾ Неправильность и недостаточность развитія воли — великое зло, влекущее за собою пагубнѣйшія послѣдствія. Въ наше время почти исключеніями являются люди, у которыхъ способности познанія, чувства, воли находятся въ строгомъ взаимномъ согласіи; большею же частію онѣ идутъ «въ разбродъ», каждая сама-по-себѣ. На воспитаніе волевой стороны должно быть обращено вниманіе съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни человѣка. Его родители и воспитатели должны всячески заботиться объ этомъ: и путемъ внушеній, разъясненій гдѣ можно, и главнымъ образомъ путемъ собственной высоко-нравственной жизни, помня, что *verba docent, а exempla trahunt*. Если семья въ данномъ случаѣ успѣла заложить въ ребенка достаточно надежныя сѣмена, то онъ, затѣмъ вступая въ школу, уже не обезличится. Къ сожалѣнію, въ школѣ у насъ больше вниманія обращается на развитіе лишь умственныхъ способностей субъекта; на развитіе же волевой его стороны или слишкомъ мало обращаютъ вниманія, или совсѣмъ ее (иногда) игнорируютъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, показывая собою дурной примѣръ, развиваютъ послѣднюю въ нежелательномъ направленіи и смыслѣ. Вступая изъ школы въ жизнь, человѣкъ съ недостаточно развитою волею является малоцѣннымъ элементомъ въ общественной жизни. Нѣкоторымъ, впрочемъ, уже и въ эту пору ихъ жизни удастся, какъ говорится, «придти въ себя» и постепенно перевоспитаться, постепенно развить и укрѣпить свою волю въ должномъ направленіи...; но — только нѣкоторымъ, такъ какъ что было сравнительно легкимъ дѣломъ въ дѣтскомъ и отроческомъ, даже въ юношескомъ возрастахъ, когда изъ человѣка, какъ изъ мягкаго воска, умный и энергичный воспитатель-учитель могъ лѣпить все, что ему было угодно, то въ совершенномъ уже возрастѣ представляется дѣломъ весьма труднымъ, подобно тому какъ весьма трудно измѣнить форму затвердѣвшей восковой фигуры. Попытки или точнѣе: желанія перевоспитать себя иногда, повидимому, серьезно проявляются зрѣлыми людьми; но осуществленіе ихъ обыкновенно откладывается послѣдними всегда на — завтра и на — завтра. Явленіе — общеизвѣстное. — Подробной рѣчи о воспитаніи воли мы, конечно, не имѣемъ намѣренія вести въ настоящемъ слу-

¹⁾ Ibid; стран. 82; т. I.

чаѣ. Мы`желаемъ отмѣтить лишь ту сторону дѣла, которая прямо касается специально нравственно-христіанской жизни человѣка. Всякій христіанинъ, непрерывно помня о своемъ назначеніи, своемъ долгѣ, помня, что служеніе двумъ господамъ: добру и злу одновременно невозможно (Матѣ. VI, 24), долженъ сбросить съ себя «нравственную» лѣнь и настойчиво дѣйствовать противъ грѣха, не дѣлая послѣднему никакихъ уступокъ, такъ какъ при допущеніи какой-либо одной ничто не гарантируетъ его отъ допущенія дальнѣйшихъ и т. д. Конечно, то удастся ему не вдругъ, конечно, и при всей его настойчивости, паденія будутъ имѣть мѣсто, такъ какъ отъ нихъ никакой человѣкъ, поскольку онъ — именно человѣкъ, не застрахованъ, но, тѣмъ не менѣе, его поступательное движеніе впередъ по части усовершенствованія, развитія, укрѣпленія его христіанской воли будетъ обезпечено, что и важно. Указываемыя нѣкоторыми моралистами средства для укрѣпленія воли: въ родѣ памятованія о смерти («memento mori!») и о томъ, что затѣмъ ожидаетъ насъ, и т. д., конечно не лишены своего значенія; но желательно было бы въ данномъ случаѣ, чтобъ цѣнилось должное направленіе воли само по себѣ, со стороны его истинно-прекрасныхъ качествъ.

Намѣтивъ моменты, характеризующіе собою любовь христіанина къ себѣ, поскольку она проявляется безотносительно къ окружающимъ его лицамъ, укажемъ элементы ея, имѣющіе смыслъ, поскольку она заявляетъ о себѣ въ виду окружающей христіанина среды. Общіе элементы были уже намѣчены нами въ свое время. Они: домогательство *независимости* человѣка отъ окружающей его среды и — *уваженія* его со стороны послѣдней (отрицательный моментъ), — *правдивость* человѣка и надлежащее опредѣленіе имъ своего *призванія* въ обществѣ (положительный моментъ). Теперь перейдемъ къ частностямъ, отѣнимъ наиболѣе существенныя изъ нихъ.

Итакъ, христіанинъ долженъ заботиться о завоеваніи себѣ независимаго отъ окружающихъ его положенія, притомъ, какъ въ отношеніи къ своему тѣлу, такъ и въ отношеніи къ своей душѣ.

Необходима для него независимость перваго рода, т. е., независимость его *тѣла*, по очень понятной причинѣ: только при предположеніи ея человѣкъ можетъ свободно и желательнымъ ему образомъ проявлять предъ другими свое внутреннее богатство, должнымъ образомъ поставить себя въ отношеніи къ нимъ. Напр., весьма важнымъ моментомъ христіан-

скаго самолюбія, какъ мы только — что видѣли, является выборъ человѣкомъ согласнаго съ его *призваніемъ* положенія къ окружающей его — человѣка — средѣ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже. Теперь-же укажемъ на то, что не будь человѣкъ свободенъ тѣломъ, онъ не можетъ избрать и надлежащаго рода дѣятельности и выполнить лежащихъ на немъ задачъ. Рабство искони существовало въ человѣческомъ обществѣ: рабомъ обыкновенно помыкали, какъ вещь, какъ бездушнымъ орудіемъ. Христіанская религія, задача которой — внутреннее преобразованіе человѣческаго я, а не какія — либо дѣли политическаго свойства, не возстаетъ противъ того порядка вещей, какой имѣлъ мѣсто и былъ узаконенъ политическимъ строемъ при появленіи ея въ мірѣ. Откуда она предписываетъ рабамъ быть строго вѣрными своимъ господамъ, съ усердіемъ служить имъ (Ефес. vi, 5 и слѣд.; Колосс. iii, 22; 1 Петр. ii, 18; чит. посланіе къ Филим. и друг.), какъ бы они ни были. Она проповѣдуетъ внутреннее равенство всѣхъ людей, ихъ одинаковое достоинство въ очахъ Божіихъ, учить, что съ христіанской точки зрѣнія нельзя говорить о рабахъ и свободныхъ въ общепринятомъ смыслѣ (Колосс. iii, 11; ср. 1 Кор. vii, 21 и слѣд.). Будучи всецѣло «мирною» религіею, христіанство имѣетъ въ виду такъ перевоспитать человѣчество, чтобъ физическое рабство было признано послѣднимъ безъ какого-либо сторонняго давленія за нѣчто непормальное, за нѣчто отжившее свое вѣкъ. Событія нашего вѣка краснорѣчиво говорятъ о близости того времени, когда эти чаянія христіанства осуществляются всецѣло. Извѣстна сѣверо-американская война, возгорѣвшаяся изъ-за вопроса о невольничествѣ и окончившаяся въ пользу противниковъ послѣдняго. Тѣмъ болѣе извѣстно читателямъ освобожденіе милліоновъ русскихъ рабовъ отъ власти ихъ помѣщиковъ. Слѣдуетъ припомнить также о стремленіяхъ цивилизованныхъ государствъ положить конецъ африканской торговлѣ рабами и т. д. Будемъ надѣяться, что если не мы, то наши дѣти или внуки доживутъ до того времени, когда христіанскія начала о равенствѣ достоинства всѣхъ людей въ такой степени проникнутъ въ сознаніе человѣчества, что физическое рабство, уже нынѣ являющееся немислимымъ въ цивилизованныхъ странахъ, исчезнетъ и всюду на землѣ: нелѣпостью будутъ считать трактованіе икупленнаго Господомъ человѣка въ качествѣ лишь бездушнаго орудія, вещи.

Но, если тѣлесная независимость — необходимое условіе для того, чтобъ внутреннія силы человѣка могли свободно и надлежащимъ образомъ раскрываться и развиваться, не встрѣчая внѣшняго, сторонняго принужденія, то независимость *духа*, духовная имѣть еще большую важность и значеніе. Даже рабъ, тѣлесно всецѣло зависимый отъ своего господина, но независимый духовно, можетъ многое сдѣлать по части стремленія къ нравственному совершенству: примѣрами полна исторія христіанъ особенно первыхъ вѣковъ. Конечно, будь рабъ свободенъ и тѣлесно, результаты могли-бы быть еще болѣе блестящи: по своему желанію выбравъ положеніе въ обществѣ, гармонирующее съ его внутреннимъ складомъ, онъ могъ бы развернуть все свое душевное богатство на пользу свою и — ближнихъ и т. д. Но рабъ духомъ, хотя и свободный тѣломъ, въ нравственномъ отношеніи печаленъ. Поведеніе человѣка съ зависимымъ отъ другихъ духомъ извѣстно: боясь однихъ людей, какъ-либо могущихъ повредить его внѣшнему благополучію, онъ пресмыкается предъ ними, унижается, отказывается отъ всякихъ личныхъ убѣжденій, разъ они не согласуются съ воззрѣніями тѣхъ лицъ...; надѣясь получить отъ другихъ людей что-либо для себя выгодное, такой человѣкъ льститъ имъ, восхваляетъ несуществующія ихъ достоинства и проч., короче: идолопоклонствуетъ предъ ними. Къ другимъ же лицамъ, напр., бѣднымъ, незнатнымъ, которыхъ бояться ему нѣтъ основаній, равно какъ и льстить имъ, пресмыкаться предъ ними, подобный человѣкъ относится совсѣмъ иначе, «свысока.» Невольно припоминаются слова св. ап. Іакова: *если въ собраніе ваше войдетъ человекъ съ золотымъ перстнемъ, въ богатой одеждѣ, войдетъ же и бѣдный въ скудной одеждѣ, — и вы, смотря на одѣянаго въ богатую одежду, скажете ему: вамъ хорошо спсть здѣсь, а бѣдному скажете: ты стань тамъ или садись здѣсь, у ногъ моихъ, — то не... становитесь ли судьями съ худыми мыслями* (II, 2—4)?¹⁾ О лицахъ, порабащающихъ свой духъ не людямъ, а какимъ либо инымъ объектамъ: неразумнымъ тварямъ или даже

¹⁾ Аще бо увидѣтъ въ сонмище ваше мужъ, златъ перстень нося въ ризѣ сѣтлѣхъ, увидѣтъ же и нищъ въ худѣ одеждѣ, и воззрите на носящаго ризу сѣтлѣхъ, и речете ему: ты сяди здѣ добръ, и нищему речете: ты стани тамо, или сяди здѣ на попожѣи моемъ, и не разсмотрите въ себѣ, и бисте судѣи помыслиеній злыхъ.

неодушевленнымъ предметамъ, и говорить уже не приходится: это — нѣчто настолько низкое, что ему нельзя подыскать даже и достаточно соответствующаго имени. Иной ставитъ свой духъ въ зависимость отъ другихъ иначе: напр., примыкаетъ къ извѣстной партіи, дѣйствующей противъ иной или иныхъ. Иногда, въ интересахъ этой партіи, ему приходится поступаться самыми заветными своими убѣжденіями, лгать. Здѣсь получается двуличность: предъ членами своей партіи человѣкъ показываетъ себя извѣстнымъ образомъ, предъ другими-же людьми — инымъ и т. д. Вопреки всему этому, каждый долженъ заботливо оберегать самостоятельность своего духа, чтобъ имѣть возможность въ каждый моментъ своей жизни показывать себя тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, — чтобъ затѣмъ оказаться въ силахъ развивать свое нравственное я безъ уклоненій въ сторону съ должнаго пути... Короче: всякій долженъ стараться быть самостоятельнымъ цѣлымъ какъ въ отношеніи къ своему тѣлу, такъ и въ отношеніи къ своему духу, — всюду заботиться объ оттъненіи своего истинно-человѣческаго достоинства.

Но недостаточно быть только независимымъ отъ другихъ, чтобы тѣмъ самымъ проявить (съ отрицательной стороны) свою любовь къ себѣ, поскольку эта имѣетъ въ виду окружающую насъ среду. Намъ необходимо еще заботиться о снисканіи себѣ *уваженія* со стороны послѣдней. Почему это такъ, — понятно. Не пользующійся уваженіемъ окружающихъ не можетъ съ успѣхомъ вліять на послѣднихъ и вообще вести плодотворную въ обществѣ дѣятельность. Пользующійся же уваженіемъ среды можетъ чрезъ то достигнуть весьма многого, можетъ пересоздать ее по своему усмотрѣнію, даже въ самомъ крайнемъ случаѣ можетъ оказывать на нее какое-либо вліяніе. Пользоваться уваженіемъ окружающихъ — это, по выраженію Дорнера, «высокое благо» ¹⁾. Къ снисканію его мы всѣ, конечно, стремимся, хотя и не всегда нормальными путями. Объ этомъ благѣ, какъ именно благѣ, говоритъ и само Слово Божіе. *Враги мои говорятъ о мнѣ злое: когда онъ умретъ и погибнетъ имя его* (Псал. XL, 6)? ²⁾ Здѣсь псалмопѣвецъ, конечно, хочетъ сказать, что такое явленіе не желательно, что не желательно для человѣка, чтобъ *имя его*

¹⁾ Dorner; S. 448.

²⁾ *Враги мои рече мнѣ злая: когда умретъ и погибнетъ имя его?*

погибло. А Премудрый выражается еще яснѣе: *доброе имя, говоритъ онъ, лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота* (Притч. XXII, 1) ¹⁾. Къ воздаванію всѣмъ надлежащей чести призываютъ христіанъ свв. апостолы: Павелъ (Римл. XIII, 7 и друг.), Петръ (1 Петр. II, 17) и друг. Но, заботясь о снисканіи себѣ отъ окружающихъ насъ уваженія, мы должны ограничивать свою заботливость извѣстными предѣлами. Эти предѣлы указываются христіанскимъ смиреніемъ, при наличности котораго человѣкъ сознаетъ, сколь велики въ дѣйствительности его права на уваженіе со стороны окружающихъ. Переступая же эти предѣлы, мы становимся уже честолюбивыми, что—нравственно дурное явленіе, за что порицалъ фарисеевъ и книжниковъ Самъ Господь (Матѣ. XXIII, 7) и чего онъ Онъ не хотѣлъ видѣть въ Своихъ послѣдователяхъ (Лук. VI, 26.—Іоан. V, 44; XII, 43; сравн. V, 41). Христіанинъ долженъ настроить себя такъ, чтобъ, при всей его заботливости объ уваженіи его окружающею средою, онъ велъ свою нравственную жизнедѣятельность совершенно самостоятельно въ отношеніи къ сужденіямъ о немъ окружающихъ,—чтобъ *въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ...* оставался *вѣрнымъ* своему нравственному долгу (2 Кор. VI, 8). ²⁾ Если онъ будетъ такъ вести себя, то временныя порицанія, раздающіяся по его адресу, сами собою смолкнутъ и уваженіе среды къ нему усилится въ высокой степени. Прибѣгать же для возстановленія своей чести, своего добраго имени къ такъ называемой дуэли, о которой нами уже было говорено выше, какъ явленіи безнравственномъ и своей цѣли не достигающемъ, было-бы поэтому болѣе, чѣмъ гнусно, и во всякомъ случаѣ не желательно.

Стремленіе христіанина къ независимости отъ другихъ, къ снисканію себѣ ихъ добраго мнѣнія еще не обнаруживаетъ *прямо* его—христіанина—внутренняго содержанія. Послѣднее *прямо* проявляется чрезъ его *правдивость* и чрезъ выборъ имъ извѣстнаго *положенія* въ обществѣ.

Правдивость—такое обнаруженіе человѣкомъ своего я, которое совпадаетъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ послѣдняго. Она проявляется разнообразно: и въ дѣйствіяхъ, и въ словахъ, и въ тѣлодвиженіяхъ, и проч. Она—необходимое

¹⁾ *Лучше имя доброе, нежели богатство много, паче же серебра и злата благодать благая.*

²⁾ *Славою и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ... истинны.*

предположеніе истинной любви человѣка къ себѣ. Проявляя ее, человѣкъ *eo ipso* проявляетъ и послѣднюю; поступая вопреки ей, онъ *eo ipso* проявляетъ ненависть къ себѣ. «Лжець», по Канту, «долженъ презирать себя самого, ибо тѣмъ, что я лгу, я унижаюсь до простаго феномена (случайнаго явленія), дѣлаюсь маскою, отказываюсь отъ того, чтобы быть самимъ собою, совершаю по частямъ самоубійство надъ моимъ истиннымъ человѣкомъ и на мѣсто его выставляю вымышленнаго человѣка» ¹⁾. О томъ, что лгущій поступаетъ вопреки той любви, какую онъ долженъ питать къ своему ближнему, здѣсь естественно не говоримъ, имѣя въ виду только «христіанское» *самолюбіе*. Противъ лжи естественно возстаетъ и Слово Божіе (Кол. III, 9; Ефес. IV, 25; 1 Тиме. I, 10 и друг.)... Итакъ, истинно любящій себя христіанинъ (какъ и всякій вообще человѣкъ) всюду и во всемъ правдивъ; его слова, поступки... — зеркало, точно отражающее въ себѣ его внутренній міръ. Христіанину нѣтъ надобности скрывать послѣдній отъ взоровъ постороннихъ. Напротивъ, всецѣло любя его, онъ естественно гордится имъ и старается, чтобъ и другіе видѣли его въ его чистотѣ, восхищались имъ и, по-возможности, подобнымъ же образомъ устранивали и свой. При указанной точкѣ зрѣнія само собою ясно, какъ смотрѣть на различныя проявленія человѣческой лжи, столь (къ несчастію и стыду нашему!) обычныя въ наше время: напр., на употребленіе «румянъ», скрывающихъ истинную виѣшность человѣка и вводящихъ другихъ въ заблужденіе, на употребленіе различныхъ (парижскихъ и «доморощенныхъ») принадлежностей туалета, опять дающихъ ложное представленіе о виѣшной фигурѣ человѣка и пр. и пр. Всѣ эти явленія нравственно-дурны и недостойны не только христіанина, но и человѣка вообще, какъ такого. Сюда же долженъ быть отнесенъ и такъ называемый вѣжливыи — «салонный» языкъ. При встрѣчѣ другъ съ другомъ въ «салонахъ» и пр. говорятъ отборнѣйшія любезности, часто въ душѣ не только не питая одинъ къ другому расположенія, а наоборотъ: питая вражду. И все это отлично понимаютъ обѣ стороны, понимаютъ и все-таки поступаютъ по-прежнему. Развѣ здѣсь можетъ быть рѣчь о любви человѣка къ истинному «себѣ»?! Что касается шутокъ, столь

¹⁾ Мартенсенъ; т. II; стр. 220; 1890 г.

употребительныхъ въ общежитіи, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ не выходятъ за предѣлы умѣренности и гдѣ для каждаго ясно: что — правда, что — нѣтъ, онѣ не могутъ быть, конечно, отнесены къ области лжи въ строгомъ и истинномъ смыслѣ слова. При нормальномъ пользованіи ими вливается разнообразящая, оживляющая струя въ обыденную жизнь. — Если правдивость — нѣчто безусловно обязательное для христіанина, то уже заранѣе ясенъ отвѣтъ по вопросу о такъ называемой вынужденной лжи. Намъ нѣтъ надобности приводить мнѣнія по этому вопросу, принадлежація различнымъ мыслителямъ древняго и новаго міра, чтобъ, опираясь на нихъ, такъ или иначе наклонить дѣло. Всякая ложь — нѣчто нравственно-дурное. Напрасно, въ оправданіе допустимости вынужденной лжи, ссылаются на благіе ея результаты: во-первыхъ, послѣдніе не въ нашей власти, — самое ничтожное обстоятельство, не зависящее отъ насъ, можетъ наклонить ихъ въ иную сторону; во вторыхъ, ложь — зло никогда не можетъ породить истиннаго блага, — спасти себя и другихъ зломъ въ сущности не мыслимо. Въ своей статьѣ, посвященной выясненію такъ называемаго «столкновенія обязанностей» (*collisio officiorum*)¹⁾, мы касались и вопроса объ этомъ рода лжи. Туда своихъ читателей и отсылаемъ въ настоящемъ случаѣ. Съ точки зрѣнія установленныхъ въ той статьѣ общихъ принциповъ и должны быть разсматриваемы отмѣчаемые нѣкоторыми лицами всякаго рода вопросы, такъ или иначе относящіеся къ вопросу о правдивости: напр., какъ быть съ роженицею, если дитя ея умерло: говорить ей могущую убить ее правду, или нѣтъ; какъ поступить дѣвицѣ, если она только ложью можетъ защитить свою дѣвственность; какъ смотрѣть на поступокъ, напр., Сусанина, рѣшившагося на извѣстную ложь для спасенія русскаго Царя; какъ вести себя съ умалишенными, если одобреніе ихъ сумасбродныхъ бредней и утвержденіе ихъ въ послѣднихъ можетъ содѣйствовать успокоенію этихъ больныхъ и т. под?²⁾ — Но, если человѣкъ долженъ говорить и дѣлать только то, что — истинно, то это не значить, что онъ, подобно квакерамъ, нѣкоторымъ піэтистамъ и друг., долженъ говорить по возможности меньше или, подобно траппистамъ, обречь себя на молчаливость, чтобы такимъ

¹⁾ См. „Христ. Чтеніе“. 1897 г. февраль.

²⁾ Чит. внимат. Римл. VIII, 3 и друг.

образомъ не допустить лжи. Онъ всюду долженъ и говорить, и дѣйствовать, если только это послужитъ цѣлямъ требуемаго христіанскимъ духомъ его — человѣка — самопроявленія. Ясное и самопонятное дѣло, что никто не обязанъ каждый разъ выкладывать предъ другими все свое внутреннее содержаніе; эта обязательность касается лишь той части послѣдняго, которая можетъ вести къ какой-либо нравственно-доброй цѣли; что-же къ такой цѣли не ведетъ или что можетъ быть при наличныхъ условіяхъ ложно понято или прямо не понято окружающими и т. д., о томъ въ данную минуту мы нравственно обязаны умалчивать. Насъ уполномочиваютъ на это и данныя библейскаго характера. Уже Премудрый высказываетъ положеніе, что бываетъ *время молчать и время говорить* (Еккл. III, 7) ¹⁾, что, слѣдовательно, надлежитъ приспособляться къ жизненнымъ обстоятельствамъ въ интересахъ самой — же, конечно, истины. Господь не совѣтовалъ *давать святыню псамъ и бросать жемчугъ предъ свиньями, чтобъ онъ не попрали его ногами своими* (Матѳ. VII, 6). ²⁾ Самъ Онъ сначала находилъ возможнымъ говорить только *притчами* и лишь потомъ обѣщалъ ученикамъ говорить *не притчами, а прямо объ Отца* (Іоан. XVI, 25). ³⁾ *Имѣя многое сказать* ученикамъ, не дѣлаетъ, однако, этого, такъ какъ они *теперь* (т. е., въ моментъ Его рѣчи) *не могутъ* этого *вмѣстить* (—XVI, 12)... ⁴⁾ Коротко сказать: правдивость, какъ нѣкоторымъ сокровищемъ, слѣдуетъ распоряжаться благо-разумно, но, — настойчиво утверждаемъ, — не скрывая этого сокровища, гдѣ должно показать его, и помня, что *въ устахъ* нашего высочайшаго Идеала нравственнаго поступанія *не было лжи* (Ис. LIII, 9) ⁵⁾. Да не будетъ лжи и у насъ! Особенно въ наши дни правдивость должна быть настойчиво воспитываема и развиваема въ человѣкѣ, такъ какъ теперь въ нѣкоторыхъ слояхъ общества она считается даже порокомъ, нетактичностью, грубостью и прочимъ въ этомъ родѣ, между тѣмъ какъ умѣнье говорить какъ разъ противное тому, что думаетъ говорящій, умѣнье изъ одного и того же положенія,

¹⁾... *время молчать и время глаголати...*

²⁾ *Не дадите святая псомъ, не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиньями, да не поперутъ ихъ ногами своими...*

³⁾ *Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ, но приидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явю о Отца возвѣщу вамъ.*

⁴⁾ *Еще многу имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ.*

⁵⁾... *ниже обрѣтется лєсть во устѣхъ Его...*

смотря по надобности, дѣлать противорѣчаніе другъ другу выводы... считается добродѣтелью, признакомъ особаго такта, уживчивостью... Не удивительно, что рѣдко — кто кому вѣрить.

Въ непосредственной связи съ правдивостью стоитъ *клятва*: послѣдняя удостовѣряетъ собою наличность первой. О сущности и дозволительности клятвы, разсматриваемыхъ вообще, въ настоящемъ случаѣ говорить не будемъ, имѣя намѣреніе изслѣдовать этотъ вопросъ съ теченіемъ времени специально. Здѣсь же намъ надлежитъ упомянуть о клятвѣ лишь только — какъ объ условіи, предполагаемомъ христіанскою любовью человѣка къ самому себѣ. Христіанинъ долженъ самопроявляться правдиво. Это уже сказано выше. Раскрыто и то, что правдивость — необходимый моментъ «христіанскаго» самолюбія. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ кто-либо можетъ усумниться въ нашей правдивости или когда кто-либо недостаточно увѣренъ въ наличности послѣдней во все будущее время и проч., мы, — изъ любви къ себѣ, изъ справедливаго желанія, чтобъ наше доброе имя въ данную и во всякую другую минуту стояло въ сознаніи окружающихъ насъ на должной высотѣ, — въ качествѣ средства, удовлетворяющаго насъ, имѣемъ право употреблять клятву. Впрочемъ, съ заботливостью должны быть соблюдаемы при этомъ тѣ условія, при которыхъ клятва только и можетъ быть нормальнымъ явленіемъ: къ ней надлежитъ прибѣгать лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда она и только она и можетъ оградить «христіанское» самолюбіе отъ какихъ-либо и чьихъ-либо на него посягательствъ и проч. Разумѣется, еслибъ въ сознаніи христіанскаго общества правдивость царила въ полномъ смыслѣ слова, то христіанское самолюбіе не имѣло бы для себя нужды въ клятвѣ: послѣдняя потеряла-бы смыслъ, такъ какъ всѣ и помимо нея вѣрили бы другъ другу; но, такъ какъ о подобномъ господствѣ правдивости говорить пока не мыслимо, то невозможно отказать и «христіанскому» самолюбію въ одномъ изъ средствъ, служащихъ его законнымъ, нравственно-добрымъ цѣлямъ.

Наконецъ, въ качествѣ также одного изъ проявленій христіанскаго самолюбія является отношеніе человѣка къ своему *призванію*. Заботящійся о своемъ тѣлесномъ благополучіи, между прочимъ, стремится пріобрѣсти матеріальную собственность, необходимую для его ви́шняго благоденствія — и самого по себѣ, и въ виду его ближнихъ... Выше уже было говорено о матеріальной собственности и ея значеніи въ

жизни христіанина. Въ жизни духовной аналогичнымъ моментомъ является *призваніе*. Христіанинъ заботится объ устройствѣ своей жизни въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ. Если это удастся ему, онъ становится богатымъ духовно, благоденствуетъ духовно, всего болѣе полезенъ и для другихъ, такъ какъ въ его рукахъ—великое сокровище. Въ свое время мы намѣрены специально поговорить о такъ называемой *индивидуальности*, присущей людямъ, и оцѣнить ее съ чисто нравственной точки зрѣнія. Тогда мы подробно скажемъ и о *призваніи*. Теперь-же считаемъ своею обязанностію отмѣтить только ту сторону дѣла, что, заботясь о жизни согласно со своимъ призваніемъ, всякій человѣкъ тѣмъ самымъ проявляетъ истинную къ себѣ любовь. Разыскивая въ себѣ тѣ черты и особенности, которыя всего болѣе выдаются по сравненію съ другими и развивая которыя онъ всего болѣе можетъ стать замѣтною нравственною единицею,—обращая на нихъ особое вниманіе, воспитывая ихъ и проч. и въ концѣ концовъ самопроявляясь наиболѣе плодотворнымъ для него образомъ, человѣкъ блестяще выполняетъ свою жизненную задачу. Человѣкъ—часть обширнаго цѣлаго, т. е., челоѣчества. Призваніе его должно стоять въ такой или иной связи съ призваніемъ и задачами послѣдняго, которыя осуществляются лишь совокупными усиліями единицъ. Иначе призваніе и задачи отдѣльнаго субъекта должны быть названы ложными. При выборѣ своего призванія, человѣкъ, поэтому, не можетъ не вѣдаться съ отмѣченнымъ обстоятельствомъ. Вообще разсматриваемый вопросъ не долженъ быть рѣшаемъ опрометчиво. Напротивъ, онъ долженъ быть разсматриваемъ съ такимъ вниманіемъ, на какое только можетъ быть способенъ человѣкъ, такъ какъ это—вопросъ въ полномъ смыслѣ жизни и смерти. Дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ этомъ на каждомъ шагѣ. Сколько людей погибло и погибаетъ отъ того, что они пошли по ложному пути? Ложное (не истинно «христіанское») самолюбіе подсказываетъ имъ о такомъ положеніи, которое не стоитъ въ соотвѣтствіи съ ихъ силами: они занимаютъ его и въ лучшемъ случаѣ только разочаровываются, а иногда бываетъ и худшее. Разъ сбившись съ дороги, они уже не могутъ безъ особо благопріятныхъ условій попасть на нее, и живутъ безъ пользы для себя и—другихъ, скорѣе—ко вреду той и другой сторонѣ. А между тѣмъ, еслибъ они сразу же напали на вѣрную дорогу, то

сколько пользы могли бы принести и себѣ, и окружающей ихъ средѣ?! Каждый христіанинъ долженъ *стремиться къ почести вышняго званія Божія во Христъ Іисусъ* (Фил. III, 14) ¹⁾. Это — общее призваніе всякаго христіанина. А при какихъ, въ частности, условіяхъ надлежитъ достигать этого небеснаго призванія, чрезъ посредство какого именно земного призванія, это — уже наше дѣло. Иной (подобно св. ап. Павлу) достигаетъ его, занимаясь какимъ-либо ремесломъ, другой (подобно св. ап. Петру), занимаясь какимъ-либо промысломъ, иной — въ положеніи ученаго, другой — врача, воина и т. д. Земное призваніе — не самоцѣль, а лишь средство къ достиженію небеснаго. Важно, чтобъ только не допустить ошибки при выборѣ того средства. Показателемъ того, на истинной ли дорогѣ стоитъ христіанинъ, прежде всего служить, конечно, его внутренняя настроенность, его внутренняя уравновѣшенность, гармонія. Разъ это условіе — налицо, все, значить, обстоитъ благополучно. Міръ лежитъ во злѣ. Это — фактъ. Отсюда естественно человѣку при выборѣ призванія и при стремленіи жить согласно съ послѣднимъ сплошь и рядомъ случается наталкиваться на различнаго рода противоdѣйствія себѣ, идущія со стороны зла. Любовь христіанина къ себѣ, давая ему возможность оріентироваться при выборѣ жизненнаго призванія, должна дать ему такую же возможность и осуществлять согласныя съ его жизненнымъ призваніемъ задачи и цѣли, должна одушевлять его въ этомъ случаѣ и поддерживать. Въ частности, приходится слышать, что одинъ жалуется — какъ на препятствіе въ данномъ разѣ — на слабость своихъ силъ, другой — на парализующее его стремленія отношеніе къ нему окружающей среды и проч. Первый долженъ заботиться о возможномъ укрѣпленіи своихъ силъ, а если это — не въ его власти, то обязанъ, по крайней мѣрѣ, стараться и при наличныхъ силахъ какъ-либо выполнить свое призваніе. Что же не въ его власти, за то съ него и не взыщется. Если dѣйствія и попытки второго парализуются окружающею его средою, то это опять не бѣда: онъ, со своей стороны, обязанъ исполнять свое дѣло — и только, — обязанъ безотносительно къ тому, какъ смотрятъ на это окружающіе его. Все же остальное, что не въ его власти, не должно смущать его ни-мало. Внутреннее настроеніе его

¹⁾ *Со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія во Христъ Іисусъ.*

уравновѣшено, и этого достаточно. Онъ утѣшаетъ (и справедливо) себя тѣмъ, что такъ угодно Богу, видящему дальше его и такимъ именно путемъ скорѣе ведущему его къ его назначенію, къ его конечной цѣли.

Таковы основныя (характерныя) черты «христіанскаго» самолюбія. Послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ «самолюбіемъ», какое нынѣ проповѣдуется Н. Минскимъ ¹⁾ (и К^о), по словамъ котораго, «лишь первенствуя надъ кѣмъ-нибудь, себѣ подобнымъ, я могу ощущать радость жизни»... Между тѣмъ,—какъ мы видѣли,—«христіанскому» самолюбію мысль о такомъ первенствѣ незнакома: элементъ «эгоизма» неизвѣстенъ любящему себя христіанину (объ этомъ чит. выше) и проч. и проч. Современнымъ проповѣдникамъ морали не мѣшало бы почаще читать Слово Божіе и поглубже вдумываться въ его смыслъ. Тогда они не стали бы выступать съ ученіями, въ которыхъ (какъ говорить г. «Орѣ» о книгѣ Минскаго) имѣетъ мѣсто лишь «мнимо-философское фиглярство» и нѣтъ «ни капли серьезности и искренности» ²⁾

Александръ Бронзовъ.

1897 г.
Февраля 18-го.

---

¹⁾ Н. Минскій: „При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни“. Сиб. 1897 г.

²⁾ «Новое Время» (за 18-е февраля 1897 г.), № 7526: стр. 3; статья: «Современныя замѣтки».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки